

*Р. Ш. Ганелин,
главный научный сотрудник Института истории Российской академии наук*

СО СЛОВ СТАРЫХ ГЕРЦЕНОВЦЕВ...

Мой отец, Ш. И. Ганелин^{*}, проработал в институте им. Герцена почти всю свою сознательную жизнь. Я дважды обращался к этому в своих воспоминаниях¹. Однако остаются некоторые общие сведения, с жизнью отца, может быть, и не связанные, запомнившиеся со слов его и его друзей. Историей института он занимался и в исследовательском плане: под его редакцией автор несомненной литературной одаренности Б. И. Шабалин (ему принадлежат известные работы о заводе «Красный треугольник») подготовил к 30-летию института в 1948 г. книгу о его истории. Она открывалась приветствием первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. С. Попкова. Но разразилось «ленинградское дело», и только что вышедшая книга была изъята.

И отец, и его коллеги были бесконечно преданы институту и считали все связанное с его деятельностью важным и поучительным для своего окружения. Я постараюсь пересказать кое-что из слышанного от них и воспроизвести их собственные об этом мнения. Систематичности ждать от моего изложения не следует, оно будет страдать фрагментарностью, но, как утверждал едва ли не самый яркий из профессоров Герценовского института, продолживший и завершивший свою деятельность в Сорбонне, Е. Г. Эткинд, история состоит из того, что называется «историйками»². Вероятно, чаще всего мои рассуждения сведутся к определению того, на кого именно из влиятельных советских и партийных лиц Герценовский институт опирался на разных этапах своего существования. Сюжет этот, может быть, и не кажется вполне почтенным со строго академической точки зрения, но приобрел за многие годы не только житейское значение.

Заслуживает специального исследования роль предшествовавшей Герценовскому институту Петроградской педагогической академии. Ее учебный план, как представляется, не лишен интереса и до сих пор. Среди изучавшихся там предметов были педагогическая психология, организация и история народного образования, политическая экономия, педагогическая графика, всеобщая история, логика, психология, социология, основы, задачи и практика высшего образования, история и практика клубного дела, народные дома и дома просвещения, лекционное дело, работа с подростками, школы грамотности, театральное дело, методика всеобщей истории и история освободительных движения в России, гигиена, искусство речи, внешкольная работа с детьми, консультационно-справочное бюро по вопросам внешкольного образования и школьно-курсовая работа среди взрослых. Разумеется, это во многом не совпадало с классическими формами и содержанием университетского гуманитарного образования, однако вполне могло рассматриваться как совместимое с ним. Ректором педагогической академии был А. П. Пинкевич (см. недавно изданную монографию о нем В. С. Волкова), социально-историческим отделением заведовал А. Е. Кудрявцев. Оба они были организаторами института им. Герцена. А связи с «верхами» шли через В. А. Десницкого и Г. И. Левина. Я вижу основания считать, что продолжалось это на протяжении ряда лет. Оба они были с дореволюционных времен близко знакомы с Лениным, но вышли из партии в знак протеста против красного террора.

В этой связи вспоминаю разговор отца с В. А. Десницким, относящийся к 1947 г. Отцу было тогда предложено вступить в партию вместе с известными учеными института биологом Б. Е. Райковым и тифлопедагогом Б. И. Коваленко. Все трое входили в Академию педагогических наук РСФСР. Уговаривая каждого, ссылались на согласие двоих других, уже якобы полученное. Они, однако, созвонились и определили истинное положение дела. Один глухой, второй слепой, рассуждал отец, за кого же принимают меня? (Б. Е. плохо слышал, а Б. И. был слеп). Отца особенно смущало то обстоятельство, что возглавлявший тогда партком института его ученик Н. Н. Петухов, близкими друзьями с которым они оставались до конца жизни отца, предложил ему свою рекомендацию. За советом отец обратился к Десницкому. В ответ тот рассказал, как в 1920 г., приехав в

^{*} Шолом Израилевич Ганелин (01.12.1894–20.12.1974) — доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент АПН СССР. Работал на кафедре педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена с 1924 по 1972 г.

Москву и остановившись «у Ульяновых», получил от них предложение вернуться в партию, причем Н. К. Крупская обещала рекомендацию Ленина. По словам Десницкого, настоял тогда на его уклонении от возвращения, несмотря на предложенную рекомендацию, Л. Б. Красин. В. А. Десницкий рассказал отцу, что знал квартиру на Гончарной ул., которую обыкновенно посещал Красин в Петрограде. Отправившись туда, он строго-настрого наказал то ли обитательницам, то ли посетительницам этой квартиры, чтобы они известили его о приезде гостя. Когда раздался телефонный звонок, Красин позвал Десницкого на Гончарную, где пребывал в дамском обществе. Узнав о предложении, сделанном Десницкому, он объявил место их встречи явно предпочтительным перед тем, куда В. А. приглашали вернуться Ульяновы. «А Вы боитесь обидеть Петухова», — заключил В. А. свою речь. Отец, убедившись таким образом, что Н. Н. Петухов, получив его отказ, окажется в весьма недурной компании, устоял, как и оба других кандидата.

Через 30 лет, когда Ульяновых и Красина уже не было в живых, как и А. М. Горького, особенно близкого В. А. Десницкому человека, ему пришлось прибегнуть к помощи М. Ф. Андреевой, влияние которой простиралось далеко за пределы московского Дома ученых, который она возглавляла. В 1951 г. (кажется, дата точная) В. А. Десницкому стало известно, что в очередном томе сочинений Сталина должно появиться нечто для него неблагоприятное. Положение усугублялось тем, что празднование юбилея Десницкого в 1949 г., в один год со сталинским, вызвало (об этом мне сообщил ныне Б. Ф. Егоров) неудовольствие вождя. Перед поездкой за помощью к М. Ф. Андреевой В. А. Десницкий рассказал об этом моему отцу. Обращение к ней возымело действие: в Ленинград дано было знать, чтобы Десницкого не трогали.

Г. И. Левин, женатый на сестре отца М. А. Левиной, знал Ленина еще по временам швейцарской эмиграции. Его сестра З. И. Лилина (ум. в 1928 г.), нарком просвещения Северных коммун, была замужем за Г. Е. Зиновьевым, но брак их распался. Г. И. Левин, игравший в институте в 1920-х гг. административно-организационную роль, несомненно, прибегал к ее помощи. А его самого на протяжении 1930-х гг. оберегал от ареста К. Е. Ворошилов, его соратник и ученик по партийной работе в дореволюционном Донцке. Как только Ворошилов признавал положение угрожающим, профессора кафедры педагогики (мне известны его воспоминания о Петербургском комитете большевиков и диссертация о дисциплине в дореволюционной школе) вызывали в Москву, и там он исчезал в квартире Ворошилова, выходя на улицу лишь в сопровождении его охранников. При этом Ворошилов демонстрировал свои связи со старым товарищем. На многолюдную панихиду по Г. И. Левину в начале июня 1941 г. собрались революционные «недобитки», а Ворошилов прислал в институт «высшую правительственную» телеграмму соболезнования.

Но отношения института с «верхами» с самого начала его существования были далеко не только идиллическими. Думаю, что дело было в стремлении выдающихся представителей институтской профессуры к сохранению и использованию при строительстве новой школы опыта гимназии. Они придавали ему выдающееся значение, будучи не только знатоками и исследователями в своих отраслях науки, но и деятелями общекультурного процесса предреволюционного времени. Это относилось к математику Г. М. Фихтенгольцу, физику П. А. Знаменскому, химику В. Н. Верховскому, биологам Б. Е. Райкову, П. И. Боровицкому, геологу А. С. Гинзбергу. Я. Демман, возглавлявший кафедру методики преподавания математики, был одним из видных профессиональных исследователей эстонской литературы.

Одновременная разработка фундаментальных наук и методики их преподавания — основа деятельности института — отвечала идеалу обязательного соединения науки с просветительством (в близкой мне области знаний блестящий пример такого сочетания являл собой В. Н. Бернадский, глубокий исследователь и непревзойденный эрудит, заведовавший кафедрой методики истории). Сохранение опыта дореволюционной гимназии, всесторонне готовившей учащихся к получению высшего образования, было для них жизненной задачей. Несомненно, под их влиянием мой отец, сам окончивший гимназию, стал ее историком. Между тем руководство Наркомпроса в лице А. В. Луначарского и Н. К. Крупской в своих планах строительства новой школы считало гимназический опыт чуждым. Б. Е. Райков, узнав о моем существовании, пригласил меня к себе, чтобы рассказать об этом профессиональному историку. Теперь о кампании против биологов-методистов и существовавшей в Ленинграде биостанции, борьбе с «райковщиной» написал В. С. Волков³. К его обстоятельной работе читатель и может быть отослан. Свой арест в 1930 г. с 10-летним приговором Б. Е. Райков в разговоре со мной прямо связал с позицией названных выше руководителей Наркомпроса, а возвращение в Ленинград с благосклонным интересом к гимназии, проявленным Сталиным и наркомом просвещения В. П. Потемкиным в 1943 г. Б. Е. Райков жил тогда в маленьком каменном домике на институтском дворе, в котором он был поселен по распоряжению Потемкина, поскольку прежнего своего жилья в Ленинграде он лишился и до возвращения в Ленинград работал, если не ошибаюсь, в Архангельске. Кстати, Потемкин, бывший до Наркомпроса заместителем наркома иностранных дел, при организации в Ленинграде после войны института вечерних школ,

работавшего в сотрудничестве с институтом им Герцена, поместил его в бывшем здании французского посольства на Кутузовской набережной. Не исключаю возможности содействия Б. Ф. Подцероба, помощника В. М. Молотова, одно время управлявшего делами ведомства иностранных дел с титулом генерального секретаря (по этому поводу существовала острота о двух генсеках Сталине и Подцеробе). Мне рассказывал о нем работавший на биостанции герценовского института в Вырице его школьный учитель Н. С. Поляхин, поддерживавший с ним отношения. Тогда, в 1946 г., я не понял смысла упоминания о Подцеробе. Но тепеь, прочитав статьи В. С. Волкова и Н. В. Андреевой⁴, подумал, не понадобилась ли поддержка для созданной под руководством П. И. Боровицкого Вырицкой биостанции. Ведь, как пишет В. С. Волков, ее создатели «опасались даже упоминания имен своих предшественников»⁵.

В предвоенные и первые послевоенные годы в институте по совместительству работало много профессоров университета. Я помню встречу со школьниками, проявлявшими интерес к истории, устроенную кафедрой методики истории с участием акад. В. В. Струве, проф. Н. П. Полетика и др. После возвращения в Ленинград из ссылки в 1932 г. курс по истории колониальной политики западноевропейских государств в институте читал акад. Е. В. Тарле. Как говорил мне проф. П. В. Гуревич, тогдашний декан географического факультета, Тарле читал на географическом факультете, когда исторического, открытого в 1934 г., еще не существовало. Делалось это по высокому указанию из Москвы, хотя и под присмотром. Вопреки своему обыкновению он пользовался подготовленным текстом, который подарил М. К. Гринвальд, арестовывавшейся, как и он, по так называемому «академическому делу». В 1960-х гг. текст этот был издан отдельной книгой под редакцией В. И. Рутенбурга.

Но наиболее знаменательной и трудно объяснимой представляется литературная встреча в институтском клубе с И. Г. Эренбургом, состоявшаяся незадолго до 22 июня 1941 г., дня нападения Германии на СССР. Клуб, возглавлявшийся А. А. Ахаяном, был тогда, как и после возвращения его заведующего с войны, важным центром общественной жизни института. Встречи с «интересными людьми» (так это называлось) были в клубе нередкими⁶. Однако появление в нем Эренбурга вряд ли было очередным удачным мероприятием.

Оставшись в Париже после 1 сентября 1939 г., он был объявлен некоторыми московскими недоброжелателями невозвращенцем. К одному из авторов этого титула, его соседу по писательскому поселку в Переделкине, перешла полагавшаяся Эренбургу литфондовская дача. Он вернулся в Москву вместе с советскими дипломатами после падения Парижа и писал роман об этом событии. И хотя было ясно, что места его пребывания не были делом его собственного выбора, на него в Москве поглядывали с опаской. Вс. Вишневский, редактор журнала «Знамя», взял первую и вторую части «Падения Парижа». Цензура не пропустила вторую часть, строго требуя почтительности по отношению к немцам. Соблюдать это, говоря о них как оккупантах, в третьей части было невозможно.

Но 24 апреля 1941 г. Эренбургу позвонил по телефону Сталин, прочитавший, как оказалось, в рукописи первую и вторую части, которые он нашел интересными. Он спросил, собирается ли автор изображать в романе немецких фашистов. Тот ответил, что это будет темой третьей части, но он боится, не запретят ли и ее, как вторую. Сталин ответил, писал позже Эренбург в своих воспоминаниях, шуткой: «А Вы пишете, мы с Вами постараемся протолкнуть и третью часть».

О сталинском звонке Эренбург сообщил в своем выступлении в институте им Герцена. Не могу сейчас с точностью сказать, было ли это во время встречи с ним в самом клубе или на приеме в его честь, устроенном заместителем директора С. Л. Рубинштейном с участием профессоров, на котором был отец. В его изложении заключительные слова Сталина о цензуре звучали так: «Мы их как-нибудь уломаем».

На следующее утро после звонка Сталина Эренбург оказался самым, выражаясь современным стилем, востребованным в Москве человеком. Совершенно несомненно, что Сталин имел своей целью дать знать о возможности войны, об этом свидетельствует и его речь на приеме выпускников военных академий 5 мая, и помещение в журнале «Большевик» остававшегося несколько лет в самиздате его письма в Политбюро против статьи Ф. Энгельса о внешней политике русского царизма. Но участия в этой кампании Эренбурга, его выступлений где бы то ни было биографами писателя не отмечено.

Нет, казалось бы, оснований связывать демарш Эренбурга с позицией В. П. Потемкина, который пришел в Наркомпрос в 1940 г. с поста замнаркоминдела, запечатленным на всех газетных фотографиях встреч и проводов И. фон Риббентропа в Москве. Однако аналогичное эренбургское предупреждение было сделано и в другом ленинградском пединституте, носившем до слияния с герценовским имя лидера советских историков М. Н. Покровского, который подвергался критике, то усиленной, то ослабевавшей (один из моих друзей называл второй ленинградский педвуз институт им. бывших ошибок Покровского).

Мой школьный товарищ А. Д. Юров, после дипломатической службы преподававший в институте им. Герцена экономгеографию, был сыном заместителя директора института им. Покровского.

Д. Г. Юрова, который посоветовал нам (мы кончили тогда 7-й класс) придти в институт им. Покровского на лекцию по международному положению 17 июня 1941 г. Лекции такого рода (современники уже не имеют о них представления) были формой обращения партийного руководства к населению, в какой-то мере если не заменявшей, то дополнявшей оскотленную цензурой печать. Лекторы позволяли себе сказать то, о чем их слушатели не имели других способов узнать. В институте им. Покровского выступал в тот раз один из самых ярких лекторов горкома партии Л. Н. Добржинский. Свое предупреждение он сделал без ссылок на Сталина, но в очень определенной партийно выдержанной словесной форме, заявив о возможности нападения на СССР империалистических сил, которые могут сделать это объединившись. Таким образом, оба ленинградских пединститута были не официальным, но официозным образом поставлены в известность о надвигающейся катастрофе.

Дошедшие до меня и запомнившиеся события и черты институтской жизни послевоенных лет несут много менее драматический характер.

У руля литературной жизни послевоенного Ленинграда стояли А. Г. Дементьев и В. П. Друзин. Оба они, осуществлявшие партийное руководство писателями и издателями, были литературоведами-профессионалами и, делая свое дело, хорошо понимали его характер. А. Г. Дементьев преподавал русскую литературу в университете, а В. П. Друзин получил кафедру в институте Герцена. Его учениками были Александр И. Хватов, Аркадий Эльяшевич, писатель Ю. Константинов (Ю. К. Бердичевский). Слова из эпиграммы «Теперь стал Друзин всесоюзен» выражали меру его административного величия. Как редактор журнала «Звезда», назначенный на этот пост лично Сталиным, он вошел в Комитет по сталинским премиям по литературе и искусству и заседал в нем под председательством самого Сталина. Тот из благоволения к редактору «Звезды» выделил редакции автомашину, забыв, что уже сделал это.

Как говорили в окружении Друзина, на одном из заседаний со Сталиным Друзин вдруг с ужасом поймал себя на том, что он не проголосовал вместе с А. А. Фадеевым и К. М. Симоновым, солидарно с которыми голосовали другие. Баллотировался один из тех авторов, которых ценили за идейность, а не за художественность. Друзин даже объяснял свои колебания эстетическими соображениями: он де имел в виду проголосовать за премию не первой, а более низкой степени. И вдруг обнаружилось, что не проголосовал и Сталин. «Остались мы с вами в меньшинстве, товарищ Друзин, — якобы произнес он. — Давно я не был в меньшинстве. Но воля большинства — закон для меньшинства. Можете быть свободны, товарищи, прошу ко мне, товарищ Друзин». Такова была кафедральная версия.

Но К. М. Симонов тот же, по-видимому, эпизод изложил в своих воспоминаниях иначе. Сталин, по его словам, предложил премировать найденное им самим в неновом журнале произведение двух авторов, одним из которых был арестованный к тому времени писатель Б. Четвериков. Все молчали. Друзин же, шепотом посоветовавшись с Симоновым, сказал об этом вслух, надеясь — так он объяснил свой поступок впоследствии, — что Четвериков будет выпущен. Сталин промолчал.

Как бы то ни было, Сталин помнил о Друзине и после XIX съезда КПСС сделал его членом Центральной ревизионной комиссии как представителя интеллигенции. Через несколько лет после смерти Сталина и Дементьев, и Друзин переехали в Москву, оставаясь в Ленинграде было им неудобно. Дементьев стал правой рукой А. Т. Твардовского в «Новом мире». Друзин же занимал посты заместителя редактора «Литературной газеты», одного из руководителей Союза писателей РСФСР, преподавал в Литературном институте. Все это стоило, конечно, оставленной кафедры в Герценовском, но из литературной жизни он исчез...

Примечания

1. Ганелин Р. Ш. 1) Воспоминания о моем отце Ш. И. Ганелине // Деятели русской науки XIX–XX вв. СПб., 2000. Вып. 2. С. 247–260; 2) Борьба с космополитизмом в педагогике на страницах «Учительской газеты» // Петербургская историческая школа: Альманах. Прилож. к журн. для ученых «Клио». СПб.: Нестор, 2005. Четвертый год выпуска: Памяти А. Я. Лейкина. С. 244–249.

2. О его судьбе см.: Эткин Д. Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001. Хотя за некоторое время до его изгнания из Института Герцена мой отец на институтском совете выступил против оценки, данной им одной из диссертаций, назвав эту оценку фельетонной, ректор А. Д. Боборыкин и заведовавшая кафедрой педагогики Г. И. Щукина обеспечили отсутствие отца и Е. Я. Голанта на роковом для Эткина заседании.

3. Волков В. С. На тернистом пути естественнонаучного просвещения: из истории биологических станций // Вестник Герценовского университета. 2008. № 9 (59). С. 70–80.

4. Андреева Н. В. Первая биологическая станция в системе педагогического образования России // Вестник Герценовского университета. 2007. № 5 (43). С. 48–50.

5. Волков В. С. Указ. соч. С. 79.

6. См.: Андраник Асатурович Ахаян. К 100-летию со дня рождения. Из «Записок старого герценовца» / Подг. Е. М. Колосовой // Вестник Герценовского университета. 2007. № 9 (59). С. 61–65.